

АЛЕКСАНДР
МАХНЁВ

О ПРОЖИТОМ С ИРОНИЕЙ

часть первая

Александр Махнёв

**О прожитом с иронией.
Часть I (сборник)**

«Горизонт»

2016

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6

Махнёв А. В.

О прожитом с иронией. Часть I (сборник) / А. В. Махнёв —
«Горизонт», 2016

ISBN 978-5-00095-293-1

Шутки и шутники, балагуры и их рассказы, всегда на Руси были в почёте, тем более что эти байки не надуманы, не из области фантастики, а рождены жизнью и созданы людьми. Вы, уважаемый читатель, наверняка это понимаете, а если понимаете, хотите отдохнуть душой, улыбнуться, расслабиться, эта книга для вас. Александр Махнев предлагает иронические зарисовки, некие жизненные интриги, простые и не очень, весёлые или с оттенком грусти, при этом преподносит всё легко, с юмором, абсолютно безобидно и интересно. Здесь всё из жизни. Вы улыбнетесь, побывав вместе с героями рассказов на экскурсии в Крыму. Удивитесь, насколько похожа поликлиника, описанная автором в одноименном рассказе на вашу, районную. И вам станет обидно за отчисленного из военного училища Шурку Барабанова, «Шалопута» по жизни, человека-хохмача и проказника, но парня доброго и отзывчивого. В общем, героев в сборнике много, все они по своему интересны и хороши, почитайте, и вы согласитесь с этим. Автор обещает нам продолжить иронические повествования. Будем ждать. Рисунки в книге подготовлены кандидатом исторических наук, членом Творческого Союза художников России и Международной Федерации художников – Крамаренко П. П.

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-00095-293-1

© Махнёв А. В., 2016

© Горизонт, 2016

Содержание

Предисловие	7
Именно так и было...	8
День рождения	9
Бывает и так	17
Кенарь-миротворец	21
Непонятый поэт	27
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Александр Махнёв
О прожитом с иронией. Часть I (сборник)

© Махнёв А.В., 2017

* * *

Предисловие

Английский мыслитель, журналист и писатель конца XIX – начала XX веков Гилберт Кит Честертон писал: «Жизнь серьезна всегда, но жить всегда серьезно – нельзя». Замечательно и весьма точно подмечено. Видимо, ссылаясь на Честертона, автор в настоящем сборнике размышляет о серьезных вещах, «о прожитом с иронией».

Практически во всех своих книгах – «Житейские истории», «Жизнь продолжается», «Огоньки» – Александр Владимирович Махнёв обязательно предлагает читателю иронические заметки, некие жизненные истории, простые и не очень, веселые или с оттенком грусти, при этом преподносит их автор легко, с юмором, абсолютно безобидно и интересно. Такие вещи легко читаются, вызывают улыбку, возможно, помогают читателю сбросить тяжесть трудового дня или каких-то неудач, жизненных проблем. Это как раз то, к чему стремится Александр Владимирович. Он пишет: «Честно говоря, от стрелялок, чернухи, боевиков народ устает. Почитайте житейские истории. Простые, иногда смешные и всегда добрые. Улыбнитесь! Расслабьтесь! Удачи вам!» В настоящем сборнике все повествования автора носят именно такой характер, и, на мой взгляд, это верная задумка, это реализация стремления автора показать жизнь со всеми ее проблемами и сложностями легко, с юмором и просто. Нет, нет, автор не упрощает жизнь, он только напоминает, по Честертону: «...жить всегда серьезно – нельзя».

Вот история простого русского паренька Шурки Барабанова. Это история шалопута по жизни, человека – хохмача и проказника, но парня доброго и отзывчивого. Не выдержал он испытания армейским порядком и дисциплиной, не справился с бушевавшей в нем подростковой удалью и безмятежностью, отчислили его из училища. Провожая Шурку, однокурсники смеялись, аплодировали ему, еще в силу своего возраста не понимая, что прощаются они не с Шуркой, а расстаются со своим детством и вступают в новый мир, в новый период своей жизни, период возмужания.

«День рождения». Очень интересен этот рассказ. Автор показывает фрагмент жизни руководства предприятия в годы перестройки, в пик перестроечной борьбы с пьянством и алкоголизмом. Легко сейчас читать и смеяться над тем, как волей-неволей в силу русского менталитета директор «...сам организовал пьянку, своими собственными руками напоил подчиненных, а они в благодарность передрались... Вот так, своими собственными руками, организовал борьбу с пьянством, борьбу со спиртным. И как? Путем непосредственного уничтожения водки и коньяка за столом?»

Да, сейчас читается все это легко, и посмеяться можно. Но ведь время такое было, в те перестроечные времена глупости руководящей порой предела не было. Это сейчас видно, а тогда...

Не ставлю своей целью рассказать обо всем, что изложено в сборнике, не стану восхищаться удовольствием от прочтения, отмечу лишь одно: ни капельки зла нет ни в одном из повествований. Есть только легкая ирония, юмор и, что, пожалуй, самое главное в прозе А.В. Махнёва, есть выводы и мораль в каждой из описываемых ситуаций.

Александр Владимирович обещает представить нам продолжение своих зарисовок. Жизненного опыта у него вполне достаточно, а потому он пишет: «О прожитом с иронией. Часть первая». Значит, ждем части вторую, третью и так далее.

Пожелаем автору удачи в творчестве.

Секретарь Союза писателей России, капитан первого ранга В.В. Шигин

Именно так и было...

*Мои шутки заключаются в том, что я говорю людям правду. Это
самая смешная шутка на свете.*

Джордж Бернард Шоу

*Честно говоря, от стрельалок, чернухи, боевиков народ устал. Почитайте житейские
истории, простые и сложные, смешные и не очень, но всегда добрые.*

Улыбнитесь! Расслабьтесь!

Удачи вам!

День рождения

Опыт истекших трех с лишним, лет показал, что положительные результаты в борьбе с пьянством, достигаются там., где эта работа ведется в соответствии с принципиальными установками партии – комплексно, последовательно и целеустремленно, при умелом сочетании воспитательных, экономических, медицинских и административно-правовых мер. Скоординированные усилия партийных, советских, правоохранительных органов и общественных организаций позволили заметно сократить число случаев пьянства на производстве и в общественных местах. Оздоровляется обстановка в семьях, понизился уровень травматизма. Сократилась преступность на почве пьянства.

Из постановления ЦК КПСС «О ходе выполнения постановлений ЦК КПСС по вопросам усиления борьбы с пьянством и алкоголизмом». Октябрь 1988 года

Геннадий Павлович, разрешите?

И В дверь кабинета директора протиснулся невысокого роста лысоватый человек. Протиснулся, а уж потом легонько постучал в дверь, уже с внутренней стороны.

– Разрешите?

– Да ты уже вошел, давай проходи. Что там у тебя?

– Вот, хотел бы посоветоваться с вами. Не читали сегодняшнюю прессу? Не успели. Понимаю, понимаю. Дело в том, что в «Правде» опубликован текст постановления ЦК партии о ходе выполнения решений по вопросам борьбы с пьянством и алкоголизмом. Так мне тут горьком рекомендует срочно на собрание актива вопрос этот вынести. Как быть?

– Что значит – как быть? Выполнять, конечно, что за вопрос. Только непонятно, почему так срочно и так часто? Наш народ и так уже пить перестал, нет спиртного в продаже. Мы же вроде на прошлой неделе эту тему обсуждали, не так ли?

– Я не могу перечить горкому, сами понимаете. Приказали доложить немедленно наше решение и дату. Кто-то подъедет из обкомовских.

– Ну, озадачат так озадачат. Обком – это серьезно. Твои предложения, Петрович.

– Завтра, я думаю, и соберемся. Что тянуть, ноябрьские близятся, не хотелось к празднику затягивать.

– А что нам праздник? Все одно кефиром чокаться за столами будем, – усмехнулся директор. – Ладно, звони в горком и организовывай, передай нашим, я распорядился. Наверное, часиков на шестнадцать.

Секретарь парткома, шумно вздохнув, вышел из кабинета директора предприятия.

Собрать людей не проблема, сначала у себя, в центре, затем уж сами по филиалам. Главное здесь – перед областью и горкомом достойно выступить, сожрут ведь с потрохами, если что не так. И Петр Петрович с озабоченным видом быстрым шагом направился к себе в кабинет.

Здесь, по всей вероятности, уважаемый читатель, следует остановиться и сделать несколько пояснений.

Прежде всего, о предприятии. В городе о нем знали все, но минимум людей знали и понимали, чем оно занимается. Приходят люди на работу, что-то пишут, куда-то носят свои бумаги, заседают, ездят в командировки, получают зарплату. Предприятие, как и тысячи аналогичных, являлось так называемым ящиком и работало в интересах одного из силовых ведомств. По рекомендациям ведомства и под его контролем оно разрабатывало себе задачи, само их решало и информировало вышестоящие инстанции об успешном, как правило, их решении. Итоговый результат труда коллектива виден практически не был. А как его посмотришь? Ладно бы кастрюли выпускало, так те хоть посчитать можно, и, если прохудилась кастрюлька, получай по шее. Блестит и не течет – получай премию. А здесь...

Впрочем, может, это и хорошо? Меньше знаешь, лучше спишь. Зарплата есть, премиальные набегают, все прекрасно.

Предприятие имело около десятка филиалов. Все они были разбросаны по области. Руководство головного частенько ездило в командировки в подчиненные учреждения, заслушивало руководителей, рекомендовало коллективам усилить, добиться, обеспечить и т. д. А с 1985 года рекомендации стали более конкретными. Всем следовало перестраиваться. Причем это делать было нужно энергично, включив весь потенциал трудового коллектива. Вот такое было интересное предприятие.

Городок, где находилось управление «ящика», был небольшим. Бетонный завод и хлебокомбинат – это его промышленность. Баня, дом культуры, парк культуры и отдыха, два ресторана, кафе, две школы и три детсада – это социальная инфраструктура. На этом фоне предприятие с его почти полутысячным коллективом было, как сейчас говорят, градообразующим. Еще бы! На балансе свои шесть пятиэтажек, садик, ясли. Огромная столовая, больше на комбинат питания похожая. Свое тепличное хозяйство.

Руководство предприятия в городе уважали. Секретарь парткома и заместитель по науке – члены бюро горкома. Сам директор в обкоме партии членствует. Милиция на поклон ходит за дружинниками. Ну и так далее. Одним словом, хорошее предприятие, так сказать, ячейка твердого социалистического образца.

А теперь продолжим.

Петр Петрович позвонил в горком, доложил о времени и дате собрания. И по команде горкома он уж звонил в область, в организационный отдел обкома партии, заведующему.

– Николай Сергеевич? День добрый. К нам собираетесь? Прекрасно! Ждем. Да. Завтра, в четыре часа дня. Почему завтра? Так от вас рекомендации пришли срочно работу провести. Да. Да, телефонограмма от первого секретаря. Ничего, подготовимся, не впервой. Вы как, на машине? Отлично, гостиницу подготовим. Да, ваш номер. Безусловно, все будет прекрасно.

Просьбы какие есть? Книги? Да, сейчас Пикуль на базе есть, полный сборник. Все понял, будет. И коробочку соберем. Как всегда, ну вы понимаете. Все в порядке. До встречи.

Переведя дух, Петр Петрович положил трубку. Самое неприятное сделано, теперь надо готовиться к собранию. Секретарь принялся названивать секретарям парторганизаций, предупреждая о приезде высокого гостя и времени собрания. Работу эту он делал быстро, нельзя сказать, что с большим желанием, дело это хлопотное, но надо. Куда денешься. Часа полтора он согласовывал, убеждал, рассказывал, кое-кого приструнить пришлось. Ишь ты, перестройка. Я те дам перестройка. Сказали выступить – готовься, да говори что надо, а не так себе. Перевел дух, глотнул чайку наспех и к директору.

– Геннадий Павлович, вроде все готово, всем задачи поставил, надо еще в клуб, столовку и на базу заскочить. Кто придет? Да этот, как его, Сергеич. Да, Николай Сергеевич, заведующий отделом. Мужик нормальный, я его знаю, беру на себя. Вы слово скажете? Как в прениях? Я Николаю Сергеевичу доложил, что вы основной докладчик. Он удовлетворился, вопрос-то очень важный. Виноват, виноват. Но прошу вас. У вас же есть материал с прошлого собрания! Ну и что, что люди слышали, обком ведь не был на последнем собрании. Ну я прошу вас. Вот и отлично, спасибо, уважили секретаря! Я помчался?

Геннадий Павлович помрачнел, пристукнул ладонью по столу, повернулся к окну, прикрыл глаза и притих. Так он успокаивался. Если что-то его тревожило или беспокоило, он настраивался на какие-либо хорошие мысли, воспоминания. Правда, в последние годы их становилось все меньше и меньше. Больше все какая-то суета, хаос. Однако отвлечься надо, а то можно и до инфаркта додуматься да испереживаться: «Все, молчим. Итак. Завтра, завтра. Стоп! Так завтра мой день рождения. Вот напортачил себе так напортачил».

– Любочка, – это он секретарше, – срочно ко мне Петра Петровича.

Петр Петрович появился ровно через сорок минут.

– Уважаемый секретарь парткома, а что завтра за день, не скажете ли?

Петрович шкурой почувствовал подвох в словах директора.

– Так пятница. 28 октября. А что?

– Да ничего! Завтра я родился!

«Вот гаденыш! Не напомнил! Ну я ему!» – это он о начальнике отдела кадров.

И не моргнув глазом, глядя в глаза шефу:

– Так мы знаем, народ готовится. А что случилось?

– Как что, в день рождения – и партийный актив? Как-то все это неправильно.

– Геннадий Павлович, так вы же сами назначили день и час, я был уверен, что это вы специально, мол, отбьемся, и все, отдыхай.

– Ну да, отдыхай, с вами отдохнешь.

Геннадий Павлович вновь повернулся к окну и тоскливо посмотрел на осеннее небо, на суетящихся за окном людей. Да! Он промахнулся. Однако действительно ничего страшного не произошло.

– Ладно, проехали. Как там у нас в клубе, готовятся?

– Да, мы решили зрительный зал не занимать, обойдемся актовым, человек около семидесяти будет, все влезет. У Маши в столовой тоже все в порядке. Заказал банкетный зал. В гостиницу позвонил, место забронировал. Вроде как все крутится.

– А банкетный зал зачем?

– Так у вас день рождения, да и Сергеича все одно кормить надо где-то.

– Ну ты перехватил. Обсуждаем борьбу с пьянством и идем пить водку за здоровье докладчика? Так, что ли?

– Да нет, вы не так поняли.

– Да все я понял! Значит, так. Никаких банкетов. Не юбилей. В моей комнате, если хотите, соберемся, только с газировкой. Ясно?

– Куда уж яснее.

– Все, давай до завтра. Мне еще поработать надо. Пока. Любовь Андреевна, зайдите.

Время было уже позднее, секретаршу надо было отпускать, и директор, распорядившись по некоторым срочным служебным вопросам, заперся в кабинете готовиться к собранию партийного актива.

Утренняя суэта следующего дня ничем не отличалась от предыдущего. Разве что ежесекундное напоминание о том, что он имел честь в этот день родиться. Огромный букет на столе – Любочка расстаралась. А дальше вновь пятиминутка, затянувшаяся у директора на час. Звонки, разговоры, посетители и бесконечные поздравления по телефону, при встрече в коридоре и даже на лестничной клетке. Все это к обеду уже утомило директора.

– Люба, никого не пускай и не соединяй ни с кем. Дай мне полчаса передышки. Договорились?

Закрыв глаза, как некогда делал замечательный Штирлиц, Геннадий Павлович постарался расслабиться. Не прошло и десяти минут, в дверь постучались. Приехал заведующий отделом обкома Вортников Николай Сергеевич. Он, широко улыбаясь, шумно, как свой человек, вошел в кабинет директора.

– Имениннику пламенный партийный привет.

Он обнял директора, расцеловал в обе щеки.

– От первого и от себя лично. Да что там, от всего областного комитета партии поздравляю вас, Геннадий Павлович, с днем рождения. Желаю успехов в вашей очень важной работе, бодрости духа, семейного благополучия! С днем рождения вас.

Обернувшись к своему помощнику, взял букет и вручил его имениннику. В кабинете почувствовался аромат цветочной свежести. Настроение у директора понемногу стало улучшаться, усталость прошла.

– Спасибо, дорогой Николай Сергеевич, тронут, весьма тронут.

Кабинет наполнился людьми, пришли заместители Геннадия Павловича, секретарь принесла поднос с чаем, пирожные, сахар. Народ расселся за столом.

– В другие времена и чарочку бы налили, но нынче нельзя. Перестраиваемся. Мыслить начинаем по-новому, – прихлебывая чаек, рассуждал обкомовец.

– Да, не те нынче времена, – с некой тоской в голосе поддержал гостя секретарь парткома. – Помню вот...

– Петрович, – оборвал директор, – а у нас как там по активу, все готово?

– Да, да, сейчас проверять пойду. Можно, Николай Сергеевич?

Секретарь парткома ретировался за дверь. Действительно, пора было уже и в клуб идти.

Ровно в шестнадцать партактив собрался в актовом зале. Народ понимал, чем организованнее все пройдет, тем раньше люди по домам разойдутся: пятница никак, конец рабочей недели.

Собрание началось. Директор, периодически поглядывая на лежащую перед ним стопку листов, начал доклад. Ничего свежего, естественно, люди от него не слышали, разве что пожелания перестраиваться, по-новому смотреть на жизнь, мыслить по-новому звучали не так убедительно как три года назад, в апреле 1985 года, когда только заговорили о перестройке. Народ сидел и слушал внимательно. Так надо.

– Однако кое-где кое-кто хотел бы вернуться к старому, поощрять пьяные застолья, проходить мимо пьяного дебоша и бытовых развратов на почве пьянства. Не бывать этому! Не допустим! (*Аплодисменты.*)

В таком духе директор, грозно сверкая глазами, продолжал еще около тридцати минут. Досталось всем. Уборщице Комковой, попавшей в милицию в прошлом году за продажу самогона, столяру Максимычу, заснувшему на верстаке после пьянки. Всем. Выступившие в прениях так же гневно рассуждали о вреде пьянства. Все были согласны с тем, что надо работать

еще лучше и еще энергичнее. Дать настоящий бой пьянству и тем, кто злоупотребляет спиртным. Порадовал всех секретарь комитета комсомола:

– Мы, комсомол, и свадьбы теперь будем проводить без спиртного, только квас и газировка.

Из зала кто-то шумнул: «И кто на эти свадьбы пойдет?» Всем стало весело. Зал оживился. Однако в основном все говорили правильно и коротко. Хотелось домой. Наконец на трибуну поднялся представитель областного комитета КПСС.

– Вижу, правильные вещи говорите здесь, товарищи. Есть уверенность, что решение Центрального комитета КПСС по борьбе с пьянством и алкоголизмом понимают в вашей партийной организации верно. Спасибо вам за это понимание.

Николай Сергеевич еще долго и довольно нудно призывал к решительной борьбе с огромным злом, чуждым социализму явлением – пьянством. Наконец решение принято, народ потянулся домой.

– Николай Сергеевич, Петр Петрович, задержитесь, пройдемте в мой кабинет. Надо посоветоваться по некоторым вопросам. Петр Петрович, пригласите наших. Кадровика, зама по науке, снабженца, нашего уважаемого военпреда. Жду через десять минут. Пошли, Николай Сергеевич.

Ровно через десять минут все собрались в «темной» комнате, что рядом с кабинетом директора. Начались торжества. Коллеги по работе подарили своему шефу огромный самовар, стопку книг из серии ЖЗЛ, их директор уже много лет собирал. Звучали добрые, хорошие, значимые слова. Директору все это было весьма лестно и приятно. Вот только блеска в глазах тостующих, обычного праздничного блеска не было. Чай, кофе, газировка, «Буратино». А где привычные водочка и коньяк? Где, спрашивается? Нельзя. С нас люди пример берут. Вот так-то.

Через двадцать минут откланялся старший военпред Соловьев.

– Геннадий Павлович, спасибо за стол, за приглашение. Еще раз с праздником вас, здоровья, семье благополучия. Всего доброго, домашние ждут. До свидания.

Сергея Фомича Соловьева дома никто не ждал, жена в отпуске, детишки давно выросли и в столице пристроены, учатся. Но так стало тоскливо и горько от этих пирожных полковнику, что решил он забежать в столовую, там всегда стопочку-другую нальют. Как-никак, к руководству он по должности относится. Уважают его. Уважают все и везде, в столовой тоже.

Распростился с коллегами и Кузьма Ильич Видный.

– Дела! Надо еще с документами посидеть. Вы уж, Геннадий Павлович, не ругайте. Здоровья вам и только здоровья. Успехов в работе, а мы уж вам всегда поможем. Мы ведь не только коллеги, но и друзья. Друзья по-другому не могут. До свидания.

Дел у Видного всегда была куча, кадровик никак, однако сегодня, что-то не работалось, да и домой не тянуло. Жена опять перегоревшим торшером попрекать будет, и полочка на кухне не прибита. Домой идти не хотелось. Душа требовала продолжения, да нет, требовала начала банкета. Тем более отмазка готова: у шефа день рождения. Можно и рюмочку принять. Вот только куда пойти? В ресторан? Нельзя, люди увидят, жене доложат в момент. Надо идти в столовку. Там всегда примут. Да и незаметно, вход есть отдельный.

Иван Петрович Прянев откланялся вслед за кадровиком.

– Дочь завтра уезжает. Проводить бы надо, вы уж извините. Надо. Спасибо за угощение. Здоровья вам, Геннадий Павлович, успехов. Ну, я пошел.

У тщедушного Прянева сегодня с утра было неотвратимое желание напиться, да так, чтобы забыть все, что произошло вчера дома. Дело в том, что жена его, приехав домой после отпуска, вчера заявила, что уходит. Надоела ей эта деревня, где она всю свою молодость загубила, а потому, пока еще не превратилась в дряхлую старуху, уезжает к маме в Москву. Вот так она оценила их восемнадцать супружеских лет, его непомерный каждодневный труд на благо

семьи и для семьи. Он ежедневно упирается, все тащит в дом, каждую копеечку, все для жены и единственной дочери. И на тебе благодарность, вот тебе ответ. Уходит, видите ли. Снюхалась, стерва, с кем-то в санатории, вот и все объяснение.

Иван Петрович, одевшись, быстрым шагом двинулся в сторону столовой.

Компания поскучилась. Пора, видимо, расходиться. Однако настроения покидать уютную комнатку Геннадия Павловича не было. Выручил всех начальник отдела снабжения. Эдуард Матвеевич всегда остро чувствовал настроение людей, нюх был у него на это какой-то особый. Вот и сейчас с доброй, замечательной улыбкой он говорит:

– Геннадий Павлович, ну что мы как не свои, сидим вот молча, думаем о разном. Мы что же, не люди, не можем за ваше здоровье грамм по пятьдесят коньячку выпить? Как-то не по-людски все это. Серьезные люди. Какой же тост за хорошего человека да с пустой рюмкой? Это что же, пьянство? Негоже так. А как вы думаете, уважаемый Николай Сергеевич?

Присутствующие с надеждой глянули в сторону обкомовского работника. Значительно помолчав, тот встал.

– Что же, здесь серьезные люди собрались. Я думаю, русских традиций не следует нарушать, не нами они выдуманы. По пятьдесят капель и я не прочь.

Не прошло и пяти минут, стол был накрыт. Все ж быстрый мужик этот Матвейч, все у него готово, все под рукой, молодец, настоящий мужик. Все может, молодец!

Дела в компании пошли веселее. На столе лимончик, сервелат, курочка копченая, баночка паштета, хлеб, яблочки. Когда он все это принес? Секрет. Так может только Эдуард Матвеевич, наш Эдик. Ну, за здоровье! Вот и вторая бутылка на столе. Разговор пошел задушевнее, более открыто. Несмотря на осеннюю вечернюю прохладу, стало жарко.

– А знаете что? – это Геннадий Павлович. – Может, пройдем в столовую, что же мы на пустой желудок коньяк пьем? Да и гостя покормить надо. Как, секретарь парткома, а? И нам горяченького не вредно поесть.

Коллеги суетливо и шумно засобирались. Прав директор. На пустой желудок как-то неудобно выпивать, да еще коньяк. Надо идти.

А в это время в столовке, в отдельном зале, где обычно в доперестроечные времена проходили различные мероприятия с горячительным и где обедало в будни руководство, также не было скучно. Как бы случайно встретившиеся военпред, кадровик и зам по науке уже допивали первую бутылку водки. Причем это не была просто пьянка, первым тостом сослуживцев было пожелание здоровья директору. Уважали его коллеги по работе, очень уважали. Директор столовой, Мария Ивановна, Маша в простонародье, принять гостей была готова всегда. У нее так же, как и у Эдуарда Матвеевича, нюх был что надо. Маша как чувствовала, что придут клиенты, придут обязательно, и двух девчонок своих держала специально для обслуживания в этом зале. Так и получилось. Сначала эти вон трое пришли, затем и сам директор с гостями появился.

Переступив порог, Геннадий Павлович удивленно вскинул брови:

– Глазам не верю, вы же все по домам разбежались. Так дело было, секретарь?

Петр Петрович рассмеялся.

– Разрази меня гром, если они не за ваше здоровье пьют. Ну, коллеги, как дела, как настроение?

В это время Маша и ее девчата вовсю шелестели у стола. Запахло жареным. Подано на стол мясо, пахло копченой рыбой. От Матвейча на стол коньяк и водка, да все суперкачественное. Слюнки потекли. О чем тут можно разговаривать? Наливай! Коллеги угомонились, расселись.

Слово взял Вортников Николай Сергеевич. Не был бы он аппаратным работником, если бы не описал международное положение, внутривластическую ситуацию, связав все с пере-

стройкой и новым политическим мышлением. Завершил он свое выступление на пафосной ноте:

– За наше процветание, за наше великое государство!

Как за это не выпить? Грех просто.

Не прошло и пары минут, слова взял секретарь парткома. Директор, тронув его за рукав, слегка дернул.

– Ты, Петрович, поскромней да покороче. Знаю вас, сейчас тоже запоешь за перестройку.

На удивление, тост Петра Петровича был задушевен и короток:

– За нашего боевого друга, за Геннадия Павловича! С днем рождения вас! Ура!

Застолье продолжалось. Коллеги расслабились, куда девалась усталость, настроение прекрасное, расслабленность полная. Слегка опьянев, заместитель по науке облобызал директора:

– Геннадий Павлович, да я тебя никогда не подведу, всегда можешь на меня положиться.

– За нашего директора! За его здоровье!

Пошли перекуры. В коридор посмолить вышли военпред и секретарь парткома. Зам по науке, обняв кадровика, со словами: «Ты меня уважаешь?» – полез целоваться.

– Да отстань ты, не девка я тебе, – обиделся Кузьма Ильич.

Обкомовец, наклонившись к уху директора, что-то ему с улыбкой нашептывал.

Военпред шушукался с Машей. Разведенка Маша так и стреляла глазками, так и сверкала. Будет дело, нескучно проведут время собеседники, это стало понятно всем. Одним словом, все было как у людей. Дружья выпивали, постепенно пьянели, закусывали, общались. Разговор становился все громче и раскрепощеннее. О постановлении партии, предупреждающем о пьянстве как зле, конечно, никто не вспоминал. Не до того было.

Вдруг в коридоре что-то грохнуло, послышался приглушенный сдавленный крик:

– Я тебе, гад, насую сейчас, я тебе...

И глухие удары. Бах, бах... Мария Ивановна бросилась к двери.

– Петр Петрович, там Прянев бьет Кузьму Ильича!

Секретарь парткома бросился разнимать дерущихся. Выскочил в коридор и именинник.

– Отставить! Разошлись быстро. Петр, бегом уводи обкомовского, не дай бог увидит. А вы, петухи, одеться и по домам. Завтра оба ко мне. Я с вами разберусь.

За столом, положив голову рядом с тарелкой, со счастливой улыбкой посапывал ответственный работник обкома партии.

Дело к двенадцати ночи. С трудом разогнав не на шутку раздухарившихся заместителей и коллег по работе, заботливо отправив с секретарем парткома в гостиницу Николая Сергеевича, директор устало присел на кресло.

– Наделали делов. Завтра придется расхлебывать...

Наутро, с больной головой, Геннадий Павлович собрал участников вчерашнего мероприятия.

– Петр Петрович, как там наш Николай Сергеевич?

– Да нормально, пивком с утречка отпоил его и отправил. Все спрашивал, не допустил ли он чего лишнего.

– Ишь ты, хорошо расслабился, видать. Ну а где этот ловелас Соловьев? Он что же, забыл, как его жена в прошлом году жаловалась на его приключения? Ишь, любовник. Раздухарился на старости лет.

Однако эти слова упрека прозвучали с некой завистью.

– Так нет его еще. Подойдет чуть позднее.

– Прянев, что за очки на носу? Сними. Боже мой, это что же за бланш у тебя под глазом? Ты с кем воевал? А у Кузьмича нет, случаем, синяка? Нет? Ну, слава Всевышнему. Один Матвейч в форме. Молодец.

Директор встал. Все то, с чего он начал разговор, было лаской. Предстоял разнос. Подчиненные, понутив лица, вытянувшись в струнку, слушали речь директора. При всей интеллигентности Геннадия Павловича говорить по-взрослому он умел ой как. Самые мягкие слова, сказанные им товарищам по вчерашнему застолью, были, простите за грубость, «идиоты» и «мудаки». Еще раз пардон. Дальше все было «пи-пи-пи»...

– Так-то вы партийные решения выполняете? Пи-пи-пи... На кого я могу положиться? Пи-пи-пи... С кем я работаю?! Уйду! Уйду к чертовой матери!

Уф. Директор сел за стол. Помолчал.

– Что надулись, до обеда дотянете? Матвеич, баньку к часу подготовь, пойдем продолжим дискуссию по борьбе с пьянством. Да пивка не забудь. Все. Уйдите с глаз долой.

Повеселев, мужики, как-то разом повернувшись, толкая друг друга, рванули к двери. Пронесло...

Геннадий Павлович задумался. Вот незадача, сам организовал пьянку, своими собственными руками напоил подчиненных, а они в благодарность передрались. Один вон спьяну за титьками погнался. Где он там болтается?

Вот так, своими собственными руками, организовал борьбу с пьянством, борьбу со спиртным. И как? Путем непосредственного уничтожения водки и коньяка за столом? Подолом, тебе, дурак старый, умнее будешь.

Он поднялся, потянулся. Ладно, все. Забыли. Пройдено. Пойдем в баньку.

Бывает и так

Эту пятницу в НИИ с нетерпением ждали все, ждали многочисленные старшие, младшие и прочие сотрудники, ждали начальники отделов и служб, лаборанты и чертежники, библиотекари и прочий институтский люд. Пятница, в общем-то, всегда означала конец рабочей недели, близость кому двухдневного отдыха, а кому и пахоты в саду и на грядках. А если учесть, что именно в эту пятницу, после двухнедельных дождей, за пару дней до лета, Гидрометцентром была обещана прекрасная погода, настроение у людей явно поднималось. Жаль только, что работу никто не отменял. Хотя какая там работа. Научно-исследовательский институт жил уже более полусотни лет. С советских времен существовала его база, да и большинство сотрудников трудились здесь еще до перестройки. Какие-то денежные крохи по немыслимым старым министерским каналам выделялись институту, но понять подчиненность НИИ, назначение и задачи исследовательской деятельности было уже невозможно. Нет, конечно, разобраться во всем этом можно было, но кому это нужно? В сводках институт фигурирует? Да. Шуршат люди бумагами? Да. Ну и пусть себе шуршат. Вот и сидели сотрудники на своих рабочих местах, перекладывали с места на место бумажки, портили глаза у старых компьютеров, составляли никому не нужные отчеты, подсчитывали проценты, строили графики и, конечно, пили литрами чай и кофе.

Ждал эту пятницу и Погребухин Иван Сергеевич, начальник одного из управлений НИИ. Именно сегодня, в пятницу, ему предстояла встреча с любимой женщиной. Нечасты были их свидания, строго по графику, два раза в месяц, по пятницам с восемнадцати до двадцати. Но эти встречи для Погребухина были как одушина, как глоток свежего воздуха после рабочих серых буден. Остальные вечера и вообще все свободное время он, как примерный семьянин, посвящал жене и отпрыскам, коих у него было четверо.

Однако планы Ивана Сергеевича в этот день подверглись серьезной корректировке. Да, да, и именно сегодня. Подружка сообщила, что уезжает в отпуск, и могла ему выделить время лишь в обеденные часы. Погребухина это расстроило. Другой бы на его месте, может быть,

и не тосковал, сел в машину да помчался к любимой, но Иван Сергеевич не таков, он любил порядок и четко отлаженную схему буквально во всем, и в работе, и в быту и даже в интимных делах, такой уж он родился, что тут поделаешь. Чуток поразмышляв, Погремухин решил ехать к любовнице. Он понимал: за пару-тройку часов ничего сверхъестественного на работе произойти не могло, переносить предстоящее свидание он был не в силах, все же мужчина, как-никак. Однако ситуация эта его малость напрягала, ибо все то, что происходило вопреки установленным им правилам, Ивану Сергеевичу всегда было неприятно. Погремухин начальником был правильным, системным и весьма строгим. Все, что касалось качества работы, дисциплины труда в управлении, контролировалось им ревностно и жестко. Все сто двенадцать его подчиненных знали – шеф может вызвать с отчетом в любую секунду, может появиться в отделах в любой момент, и не дай бог кто в этот самый момент кроссворд разгадывает или по мобильнику трещит, все – жди разбора полетов. Опоздание на рабочее место на минуту или отсутствие на рабочем месте пресекалось Погремухиным на корню. При всем этом наказывал людей он редко, но побурчать на нерадивого, косточки ему помыть, погрозить земными карами – это уж он умел. Брови нахмурит, спинку выгнет, точно котяра перед боем, и так его, нарушителя, и перетак, и голос сию секунду начинал соответствовать грозной погремухинской фамилии.

И вот вопреки своим правилам он вынужден, по сути, тайно уходить с работы. Именно это его и напрягало. Как-то нехорошо все это. Ой, нехорошо.

В час дня Погремухин провел планерку с начальниками отделов, в сотый раз предупредив руководителей о дисциплине труда, поставил кучу задач и, оставив за себя заместителя, убыл. Куда он едет, зачем, в управлении не принято было рассказывать, это правило сам же Погремухин и установил. Считалось, что не по делам шеф отъезжать не мог просто по определению, а если кому шеф срочно нужен, найдут по мобильной связи.

Заместитель Погремухина Колышев Иван Иванович также имел виды на эту пятницу. Сложилось так, что именно в этот день ровно двадцать пять лет назад он женился. Событие, конечно замечательное, и, естественно, его нельзя было не отметить. Дети Ивана Ивановича подарили родителям романтическое свидание с поездкой на природу на шикарном длинном «роллс-ройсе», который ждал Колышева с супругой ровно в три часа дня у подъезда дома. Об этом подарке младшие Колышевы, желая сделать родителям сюрприз, объявили лишь сегодня, только что, в эту самую пятницу. Естественно, Иван Иванович с шефом этот момент не мог согласовать заранее, а после совещания у него и согласовывать смысла не было. Иван Иванович понял: уйти можно и без разрешения, ведь именно он оставался в управлении старшим.

Недолго думая, Колышев вызывает начальника первого отдела, назначает его старшим, тем самым юридически снимая с себя ответственность по руководству управлением, спрашивает у нового и.о. начальника разрешение и бегом к дому, благо дом рядом, там уже ждут его и жена, и дети. Все! Желанный вечер начался!

Начальник первого отдела Пальчиков впервые попал в ситуацию, когда его оставляют самым главным в управлении. Пусть всего на пару часов, но главным, да еще самым. Над этим следовало поразмышлять, что он и делал, запершись в своем кабинете.

Пока новый руководитель размышлял да прикидывал, с чего начать руководящую деятельность, управленческий народ, видя, что начальство потиху разбегается, не заставил себя ждать и потянулся к выходу. Через полчаса в управлении остались только новый шеф да уборщица тетя Дуся, чья голова устала вертеться, глядя вслед убегающему люду.

Новый и.о. шефа наконец понял, с чего начать, но, выйдя в коридор, с удивлением увидел, что «боевая сотня» управленческих трудяг попросту нагло смылась с работы. Часы показывали ровно шестнадцать. Ему стало сначала горько и обидно, что вот так вот народ взял и ушел, еще даже не зная, кто сегодня у них в управлении самый старший. Обидно, ох как обидно! Однако

через пяток минут новый шеф понял, что и ему пора уматывать. Он рассудил так: «Народ не дурак, раз все ушли, значит, и мне можно».

Однако коллектив, даже когда никого в офисе нет, не может быть без старшего. И тут взглядом Пальчиков поймал тетю Дусю, которая, прижавшись к стене, все еще переживала массовый внезапный исход сотрудников из кабинетов.

– Тетя Дуся, вы тут в кабинете Погребухина посидите, вдруг кто перезвонит, а в половину шестого домой, ясно?

– Сынок, мне-то ясно, а что говорить, если кто спросит Ивана Сергеевича?

Пальчиков понимал, что сегодня в четыре часа вечера, да еще в пятницу, да еще в такой погожий день, никому нет дела до их управления, а Погребухин, он был в этом уверен, уже и не появится.

– Так придумайте что-нибудь, вы ведь взрослый человек. Ничего, не волнуйтесь.

– А что придумать...

Пальчиков понял: так просто она от него не отвяжется.

– Да что хотите. Скажите, пожар у нас, все разбежались.

Довольный своей шуткой, вдруг сразу успокоившись, начальник отдела уже через пару минут, помахивая портфелем, быстрым шагом направился к метро: «Да пошли они все... Бог не выдаст, свинья не съест».

Но Пальчиков был не прав, точнее, не совсем прав. Погребухин действительно к концу рабочего дня не успевал, красotka его уж больно хороша была сегодня, звонить на работу он не стал, просто выключил телефон, и все тут. Но вот начальник управления по каким-то своим высоким делам решил потолковать с Иваном Сергеевичем. Не дозвонившись до него по мобильнику, он перезвонил по служебному телефону. Испуганная тетя Дуся неуверенно сняла трубу и на грозный вопрос: «Где Погребухин?» – честно ответила, как и учил Пальчиков: «У них пожар, все разбежались, и никого в кабинетах нет!»

– Что???

Директор НИИ был опытным человеком и понимал, что в этих огромных, еще советских хоромах все может произойти, в том числе и пожар, а потому в институте все знали, куда бежать, кому звонить и что делать. Через несколько минут во всех корпусах редела сирена, яростно звенели звонки, а к корпусам института мчались пожарники и скорая помощь.

Директор кратко бросил секретарю: «Я в управлении Погребухина, там очаг, видимо, передайте Штыкову, пусть штаб здесь у меня разворачивает».

Штыков, заместитель директора по кадрам, он же и внештатный начальник штаба по чрезвычайным ситуациям, буквально через минуту шумел в телефон и инструктировал людей.

В управлении Погребухина было пусто, у дверей шефа одиноко сидела тетя Дуся. Она уже поняла, что ляпнула кому-то по телефону что-то лишнее. Вместе с тем отступить было некуда. Ясно сознавая это, бабуля решила все отрицать, если кто-то будет ее спрашивать. Она чувствовала, это должно было произойти обязательно, не даром же как только была положена трубка телефона, так и начался этот бешеный звон и гул. Бежать тетя Дуся не могла, ведь ее, именно ее оставили здесь в управлении самой старшей.

Минут через пять в коридоре появился директор института.

– Где Погребухин, сотрудники где?

– Как где, все завывало, засвистело, зазвенело, и народ ушел, а Иван Сергеевич самым последним убул, вот только минуту как и ушел.

– Удивительно. А по телефону о пожаре мне кто доложил, не вы ли, уважаемая?

– Побойтесь бога, товарищ начальник, я и трубку телефонную не знаю как в руке держать...

– Странно, очень странно...

Штыков доложил директору, что, мол, все везде проверено, все в порядке, ничего нигде не горит, тревога явно была ложной, надо будет разобраться, кто это запаниковал, а может, специально кто-то решил бдительность институтскую проверить.

Директор понял, что инициатором этого ложного сигнала волей или неволей стал именно он, а потому именно сейчас, именно здесь он должен принять решение, что делать. Но что тут решать? Если разбираться серьезно с тем, кто ему нагло наврал в трубку о пожаре, это значит – вызывать милицию, собирать людей и прочее. Но позвольте, он что, директор, не человек, у него что, совсем нет планов на выходные и отдохнуть ему не надо, он что же, себе враг? И директор принимает решение, то, которое, по его мнению, является единственно правильным.

– Товарищ Штыков, вы бы с терминами осторожнее – «паника», «бдительность», все это слова серьезные, осторожнее, пожалуйста. Решение о внезапной проверке служб и управления по работе в случае возникновения пожара принял я. Вы сейчас разберитесь, как действовали люди, это ваша работа, а в понедельник в восемь утра мне доложите. Я тут вот в управлении Погребухина лично проверил работу по тушению пожара. Такого я давненько не видел, люди в течение пяти минут эвакуированы, средства пожаротушения готовы, запасные двери разблокированы. Молодец Погребухин, поощрим в понедельник. Всего доброго, до понедельника.

Директор в душе был весьма раздосадован ситуацией. Но решение, как бы то ни было, принято. Он вышел на улицу, сел в машину и выехал домой. О случившемся он уже не переживал. А впрочем, что случилось? Ну, ошибся он, может, не туда позвонил, а может, еще что.

Все! Забыли!

В понедельник после разбора «учений» у директора НИИ, благодарности и добрых слов в свой адрес абсолютно обескураженный Погребухин, ничего не понимая, вернулся в управление. Что произошло, за что благодарность...

Колышев ничем ему не мог помочь, ибо он тоже ничего не понял. Молчали и остальные руководители отделов и служб. А что они могли пояснить, их не было на работе во время этих «учений». Остальной народ, посмеиваясь и перемигиваясь, шушукался по углам, но в присутствии шефа все вели себя исключительно по-рабочему и серьезно.

День подошел к вечеру, кабинеты опустели, а шеф все еще сидел у себя.

– Иван Сергеевич, можно?

– А, тетя Дуся, заходите, заходите, с чем пожаловали?

Старушка, будучи очень совестливым человеком, решила облегчить душу: «Иван Сергеевич, миленький, так это я все с пожаром дурацким затеяла, видит бог, не хотела, но так уж получилось, простите меня, дуру старую».

Разобравшись, что к чему, Погребухин с полчаса смеялся, смеялся до слез, до изнеможения, а тетя Дуся, сидя в мягком кресле, растерянно улыбалась.

На следующий день в приказе на поощрение по итогам учений по противопожарной обороне была и тетя Дуся, как оказалось, у нее красивая и звучная фамилия – Афанасьева, и зовут ее Евдокия Марковна. Кстати, по ходатайству Погребухина и зарплату Евдокии Марковне на две тысячи подняли. С остальными участниками «учений» шеф решил не разбираться, это же всех наказывать придется. Собственно говоря, и себя тоже. А так нельзя, не положено так.

Погода по-прежнему звала на природу, солнышко по-доброму, тепло светило и приглашало: «Плюнь ты на эти проблемы, будь добрее, береги здоровье, не ворчи...»

Кенарь-миротворец

Звонок в дверь. Открываю, смотрю – сосед, насупившийся, хмурый. В руках чемодан.

– Привет, Иван Васильевич. Что такое, что случилось? Что-то ты на себя не похож, тоскливый, лицо вон вроде как перекосило, уж не болен ли? Что случилось? А... из дома выгнали!

– Хуже. Сам ушел.

Так начался наш странный разговор.

Да, Иван Васильевич Петров ушел из дома. Как он мне заявил: «Ушел впервые и навсегда». А поскольку идти ему было некуда, жить он решил у меня, правда, я об этом еще пока не знал.

– Заходи.

Сосед, войдя, снял обувь, влез в дежурные тапочки, водрузил в угол свой чемодан. Мы прошли на кухню. По такому случаю я знал, что нужно делать, и сразу полез в холодильник: коньячок не помешает. А вот и лимончик, и колбаса. Иван Васильевич, наблюдая за мной, незаметно сглатывал слюну. Ясно было, голоден мужик.

Соседа своего я, в общем-то, знал неплохо и понимал – вряд ли он решится покинуть семью. Видимо, случилось что-то настолько серьезное, что он решился забастовать. Куда он уйдет от своей Маришки? Вредная она, да, наблюдается за ней такое. Занозистая, с гонором, тоже есть. Однако как семью держит. Вон какие ухоженные у нее и трое сыновей, да и сам Ванечка, как она его при людях величает. Всегда человеком выглядит. Нет, что-то тут не так. Иван Васильевич мухи не обидит, все в дом. Правда, маловато в дом приносит, сметчиком в средненькой строительной конторе работает, а там не так уж и много платят. Но все, что Иван получает, – все идет только в дом. Зануда, правда, Васильич, водится за ним такое. Хотя это как посмотреть. Он любое событие, любой самый мелочный вопрос сначала где-то там у себя в мозгах оценит, прокрутит, а уж потом и говорит: «Значит, так. Во-первых...». Эта фраза – его визитка, без нее он ни-ни. И, кстати, все, о чем он повествует в этих своих «первое, второе и третье», – все разложено по полочкам, все логично, все верно, и, если он что-то предсказал, как правило, то и сбывается. И душой Иван Васильевич хорош. Любит музыку, хлебом не корми,

дай романс какой или оперу послушать. Глазки прикрывает, в такт музыке головой покачивает, а на лице эдакая блаженная и добрая улыбка. Детишек любит безумно, поздние они у них с Маришкой, уже после тридцати пяти на свет появились. Сначала думали, без детей останутся, но потом один за другим в три года три крепыша родились. Больше решили судьбу не испытывать, хотя девчонку были бы не прочь иметь. Но года... Вот такие у меня соседи.

Налил я стопочку коньяка, выпили по одной. Говорю:

– Рассказывай, что там у тебя, Ваня, случилось.

– Да все это как-то непросто, трудно говорить, но попробую. Знаю, мужик ты свой, ты поймешь.

Так вот, все началось с ежей. Да, да, с простых лесных ежей. Когда пацанам было от двух до четырех, принесла жена домой двух ежей. Подружки где-то подобрали этих несчастных животных, вроде как на пикнике в лесу или еще где, суть не в этом. Одним словом, приносит она этот подарок в семью. Дело такое, дело серьезное, я прикинул, подумал и говорю: «Значит, первое. Парни на троих двух ежей не поделят, будут проблемы. Во-вторых. Ежи гадают, по ночам топают, а значит, спать мы не будем. Третье. Кто их кормить и обслуживать будет? Вы же все заняты, а значит, этой жертвой буду я. В-четвертых...». А Маринка моя говорит: «Достал ты всех своими причитаниями. Ежи будут жить у нас, и все тут».

Ну, вот как я сказал, так все и было. Ежей в этот же день пацаны чуть не порвали, делили все. Ночью это стадо носилось по квартире, не догонишь. Мои все спят, все им нипочем, пушкой не разбудишь, а я не могу заснуть, когда в доме порядка нет. Мучился я, мучился, почти неделю продержался, а затем, договорившись с завучем соседней школы, снес ежей в школьный зооуголок. Мальчишки мои в рев, где, мол, наши ежики, кричат. Жена скандалит: «Верни ежей!!!» Еле отговорил бежать в школу, а пацанам сказал, что за ежатами мамка пришла. Поверили, хоть и малыши, но понимали, что ежиху-мать нельзя слушаться.

Только налаживаться жизнь в доме начала, бах, мои малыши трех котят несут. Где, у какой помойки они этих несчастных подобрали, не знаю, но выглядели котятры отвратительно. Маришка тут же их в ванну и давай намыывать. Визг, писк. Выносит котят уже чистенькими и в мое любимое полотенце завернутыми. Ну, я, как водится, прикинул и заявляю: «Во-первых, эта шантрапа хуже ежей будет, те хоть топали по ночам, а эти все подряд рвать будут. Судя по экстерьеру, дворовые они, а значит, в генах привычки гадить в лоток нет, то есть туалетом для них будет вся квартира. Во-вторых...» Мариша моя сразу в бой: «Отец, замолчи! Коты самые безобидные существа, жить будут у нас, я сказала!»

Молчи так молчи, и все пошло-поехало, как я и предвещал. Котят назвали, поделили между ребятами, те не нарадуются. Дальше царапины, порванные шторы, разодранные в пух подушки, перевернутые в шкафах вещи, ну и, конечно, отвратительный запах всех кошачьих дел. Как я и говорил, в лоток они заходили только лапками погрести, а дела свои делали там, где им нравилось. От аромата дезодорантов вперемешку с кошачьими испражнениями в квартире дух стоял хуже, чем в дореволюционной пивнушке. Непорядок! А я ведь предупреждал, беспородные котята, дикие, не привыкшие к домашнему уюту. И вот через неделю смылись они всем своим выводком, улизнули в приоткрытую входную дверь. Я только к ним привыкать стал, накупил игрушек, пуфиков разных, с кормом разобрался. А пацаны мои как были расстроены! Слов нет. За два дня мы семьей все дворы в округе осмотрели, нет котят, и все тут. И как ты думаешь, кто крайним стал в этой ситуации? Правильно! Я! Жена почему-то была уверена, что это я их куда-то снес, и дети кричат: «Папка, верни котят!!!» Вот так-то. Только через полмесяца успокоились.

Дальше были кролики, черепашка, барсучок. Кого только не перебывало в квартире. Я только начинаю: «Во-первых...» – дети в слезы, жена в рев: «Опять!!!» Что ж опять? Я ведь просто хочу рассказать, что будет и как будет, а они видишь как реагируют. Одним словом, помаленьку мы врагами становились.

И вот в доме появился пес. Не просто псина какая беспородная или мерзко-мелкая. Не какие-нибудь бишоны, грифоны или терьеры. Нет, появился щенок ротвейлера, миленький такой, чистенький, аккуратненький, жена принесла. И вся моя семейка на меня смотрит, ждут, что я опять начну свое «первое, второе и третье». Ну, нет, думаю, промолчу. Промолчал.

Через пять месяцев этот малыш весил уже за тридцать кило, в холке был почти шестьдесят сантиметров. Дети с ним уже не гуляли. Справиться с этой псиной мог только я. Ел пес все, что давали, сметал миску за пять минут. Съест, облизнется и ко мне, рычать начинает, это значит – веди меня, хозяин, на улицу, гадить хочу. Глаза серьезные, злые, попробуй ослушаться. Хочешь не хочешь, шапку в руки, намордник на псину, поводок в две руки и вперед. А там еще лифт, с соседом не поедешь, пес если рывкнет, так и в штаны наложить можно со страху. Выбрался из подъезда, уж и не видно, кто кого на прогулку вывел: я пса или он меня. Сильный, резкий. Эти пять месяцев пробежали для меня как пятнадцать на фронте, день за три. Одно хорошо, похудел и постройнел я за это время.

Но вот с Маришкой опять разлад пошел. Почему, говорит, когда я пса принесла, ты мне ничего не сказал, не предупредил, что он такой страшный будет? Огромный да еще кусучий. А разговор этот произошел после того, как наш песик погонял малость Маринкину подругу на кухне. Погонял, чуток руку ей прикусил, юбочку надорвал, ну и так по мелочам на нее порывал. Подруга в обморок, ротвейлер в сторону, мол, больных не трогаем. Подруга умчалась сама не своя и Марине по телефону такого наговорила, такого выложила, при людях повторять стыдно. Так вот она меня и отчитывает: «Почему ты мне не сказал, что это страшная псина?» Почему, и все тут. А что я скажу? Скажи я тогда что-либо против, уже тогда мой сундук за дверь бы стоял. А не сказал, что опасно брать такую псину в дом, опять не прав, уже сейчас виноват. Просто парадокс, а не женщина. А впрочем, они, наверное, все такие. Ну ладно. Надо что-то делать.

Иду на ближайшую автопарковку, местным ребятам предлагаю пса для охраны, причем бесплатно предлагаю забрать. А там только пару дней как их охранный Тузик сдох. Возьмем, говорят, веди свою шавку. Привожу. К будке пристегиваю ротвейлера и домой. Уф... Но не тут-то было, уже через пару часов прибегает охранник со стоянки: «Забирай свою псину, она полгаража разнесла». Я, впрочем, ожидал чего-то подобного, говорю: «Вы же, братцы, сами просили охранный пса, а теперь на меня хотите повесить все грехи его первого дня дежурства в паркинге. Так дело не пойдет, не заберу». Взмолился парень: «Забери, богом прошу, нет у нас к тебе претензий!» Пришлось забрать. А псина злопамятная была и уже дома, после ужина, так сказать, на сытой желудок, пару раз меня цапнула за ногу, и я понял, за что. Понял,

но промолчал, как бы хуже не стало. Домашние в этот день все по комнатам, за закрытыми дверями отдыхали, сидят, ждут, что же дальше. Ну а что дальше? Звоню друзьям, и подсказали мне, что есть под Дмитровом в Подмоскovie центр подготовки кинологов, там и собаку могут взять. Правда, просить надо, а может, и денег дать. Не поленился я, проехался на своей «копейке» к центру этому. Пару часов вокруг высоченного забора дефилировал, нашел дежурного, его с полчаса уговаривал найти мне того, кто старшим у собак работает. Мне намекнули, что начальник ветслужбы вопросами отбора собак ведаёт. Еще час я рассказывал этому спецу, какой у меня хороший пес. Убедил. Веди, говорит он, пса своего, так и быть, возьмем. Эх, если бы я догадался взять с собой собаку, все мучения уже сейчас и закончились бы, а так пришлось ехать две сотни километров домой, и уже на следующий день, взяв старшего и среднего моих ребят, привез я своего ротвейлера в кинологический центр. Врач говорит: «Берем вашего кобелька женихом к нашим девочкам, уж больно красив ротвейлер», – и вызвал кинолога. Подошел небольшого росточка сержант, взял поводок в руку – и все... Я впервые увидел, как с собакой обращается настоящий специалист своего дела. Думал, псина сопротивляться будет, скулить, рваться домой. Как бы не так, пес мгновенно своим собачьим чутьем понял, кто его новый хозяин, и безропотно, даже, как мне показалось, с удовольствием, подергивая своим обрубок, пошел с сержантом к вольерам. Я так понимаю, догадалась наша псина, что к сучкам ведут, умная ведь собака. Мы с ребятами, проводив ротвейлера взглядами, пошли к машине. Домой ехали молча, в подавленном состоянии, а уже подъезжая к дому, мои орлы разревелись, разрыдались: видите ли, жаль собачку им было. Да и у меня на душе как-то погано. Однако дело сделано.

Пока мы ездили, жена привела в порядок квартиру, намыла все, ужин приготовила, даже бутылочку вина на стол поставила. Поужинали, бойцы мои спать пошли, ну а мы с супругой сели обсуждать, как жить дальше. Все шло мирно, однако через полчаса Маришка вновь к собачьим проблемам вернулась. На сей раз ей показалось, что собака нужна все же в доме, а я виноват в том, что сидит наш ротвейлер нынче где-то в каком-то кинологическом центре и воет. И мы тут по нему все плачем. «Это ты! Ты виноват».

Все! Это уже было выше моих сил. Спорить я не стал, вижу, бесполезно. Ушел, лег в гостиную на диван. Не спал всю ночь, а утром собрал вещички и...

Короче, можно денечек у тебя побыть? А завтра квартиру сниму и уйду.

Я помолчал, а что тут скажешь? Выговорился человек, и ладно, а по глазам вижу, никуда он не денется: излил душу, да и ладно. Налил Ване еще рюмашку, посидели, помолчали. Вдруг звонок. Снимаю телефонную трубочку.

– Сергей Алексеевич, мой у вас?

Маришка звонит. Вот и критикуй женщин. У нее что, чутье такое, иль она слышала, что ее Иван исповедь свою закончил? Откуда она узнала, что у меня он сидит? Вот женщина! Я молчал.

– Да знаю, у вас он. Пусть уж домой идет, мы ему тут подарок сделали. И ребята тревожатся, что папки долго нет дома, пусть идет, скажите ему, а?

Смотрю на Ивана Васильевича, чувствую, понимает он, что Маришка его звонит. Молчит, тревожно так на меня смотрит. Я что-то буркнул в трубку, кашлянул, отошел от телефона.

– Что, она?

– А ты что, сомневаешься? Конечно, она. Давай, Ваня, домой пора, поздно уже. Они там тебе подарок сделали, ждут. Ребята за тебя тревожатся.

Ваня встал, потоптался на месте, говорит:

– Пошли вместе, боязно мне так-то...

– Да без вопросов.

Дверь была открыта. Мы прошли через прихожую к кухне. А там вся семья плечом к плечу стоит перед столом.

Старший мальчик говорит: «Во-первых, папка, мы тебя все очень любим!» Средний продолжает: «Пап, во-вторых, мы тебя никогда не обидим и из школы будем только пятерки приносить», – и младшенький глаголет: «В-третьих, папочка, да не переживай ты так за этого ротвейлера. Мы тебе кенаря дарим, ты ведь любишь песни, он, говорят, очень хорошо поет...»

Семейка расступается, и мы видим на столе небольшую птичью клетку, а в ней желтенький комочек, видимо, это и есть тот самый поющий кенарь. Смотрю, а Иван вроде как в шоке. Онемел, в глазах слезы, и косая такая улыбка на лице. Чувствую, вот-вот расплачется мужик. Маришка тоже поняла – надо как-то выручать мужа.

– Ванечка, а почему он не поет? Продавец говорил, что поет он всегда и очень красиво. Как ты думаешь?

Ваня присел на табуретку, снял кепку, вытер вдруг резко выступивший на лице пот и говорит:

– Ну, во-первых...

И тут происходит невероятное. Кенарь запел, сначала тихонько так, вроде мобильник в соседней комнате, затем громче и громче. Ключик открыт, головка чуть приподнята. А звуки, звуки... Какие прелестные звуки издавало это маленькое существо. Здесь и очаровательные трели, и некие россыпи звоночков, звуки бубенчиков и мелодичность флейт. Это была какая-то музыкальная композиция, чарующая и успокаивающая, привносящая мир и уют в этот суетный дом.

Я, слушая пение кенаря, прикрыл глаза и на минутку забыл и об Иване с его проблемами, и о его семействе. Пение кенаря завораживало, было прекрасно, изумительно. Нельзя сказать, что я не слышал подобного никогда, нет. Но, видимо, это была примиряющая песнь в нужное время и в нужном месте. Я понял: моя миссия исчерпана, можно с миром идти домой. Еще раз глянул я на моих соседей. Семья сидела за столом вокруг клетки с кенарем, мирно и удовлетворенно слушая его распевы.

Непонятый поэт

История эта началась с юбилея Софьи Петровны, жены Тужикова. Несколько дней Матвей Ильич мучился, что жене подарить, как это сделать лучше, как обставить сам юбилейный вечер и так далее. И вот все получилось, причем получилось как нельзя лучше. Гуляло все село: как-никак семьдесят лет старушке стукнуло. Родня подъехала, сын и дочь с внучатами. Тужиков подарил супружнице большой букет полевых цветов, благо летом всегда их много. Купил и вручил своей Софушке обвязанную большой красной лентой новую сковороду. Ну а самым главным подарком жене были его стихи. Стишки вроде как незамысловатые, простенькие, но Матвей Ильич считал их вполне приличными, а главное, юбилейными. Этими стихами он и открыл мероприятие.

Хотя тебе не двадцать пять,
Но все же ты красавица.
И все в тебе, все хорошо,
И все в тебе мне нравится...

Гости аплодировали. Стих пошел на ура, и тост за здоровье явно удался. Дети и внуки улыбались. Соседки внимательно изучали большую чугунную сковородку и одобрительно цокали языками: «Надо же, такую вещь купил! А деньжищ-то сколько, деньжищ сколько потратил! А? Молодец!»

Жена раскраснелась: «Спасибо, Матюша, ты у меня прямо-таки поэт».

Вот это – «ты у меня прямо поэт» – почему-то очень крепко засело в седой голове Матвея Ильича.

Ближе к зиме Софья Петровна сильно расхворалась сердечком. Врачи посоветовали в город переехать, поближе к специалистам по сердечным делам.

Горестно было Тужиковым покидать родные места, но все же пришлось. И вот спустя полгода, по весне, продав дом, раздав соседям кое-какую старую мебелишку, старики переехали к дочери. Дом у дочки стоял на окраине города, при доме участок земли прирезан,

тепличка маленькая, сараюшка с мотоциклом. Так что от земли Тужиковы не ушли, новое место чем-то напоминало их домик в деревне. И то хорошо.

В доме им была выделена небольшая уютная комната, здесь даже был телевизор. Туалет и ванная комната тоже были в доме. Софья Петровна как-то быстро растворилась в этом их новом обиталище и о здоровье вспоминать стала реже. Вроде как растворилась, но ее было видно везде: и на кухне с блинчиками возится, и внукам попки подмывает, и даже с котом, неуживчивым Васькой, подружилась мгновенно. А вот Ильич затосковал. И то ему не так, и это ему не эдак. Стал занудливым, ворчливым. Он, в общем-то, по характеру не был простым человеком, гонору и апломбу у него всегда хватало. Первое время сидел у телевизора. На это занятие у него сил хватило ровно на неделю. Когда телек опротивел, пробовал читать – книг много у дочери. Но уже через пару-тройку дней и это занятие ему наскучило, да и глаза уж не те, читать невозможно, очки надо менять. Пытался по дому похозяйствовать, так зять отшил его с первой же попытки вбить гвоздь в прихожей под кепку. Пробовал было друзей поискать. Но, как назло, улица их, как он говорил, какая-то ненормальная. Днем все на работе, по вечерам детишки шумят, детская площадка рядом. А главное, нет одногодков, поговорить не с кем. Тоска, и все тут.

Тем временем домашним невмоготу стало его ворчание. И тут Софья Петровна как нельзя вовремя вспомнила о поэтическом даре мужа.

– Дед, ты бы стихами занялся, что ли? У Митеньки на днях день рождения, напиши стишок ему. У тебя ведь здорово получилось тогда на мой юбилей. Помнишь?

Разговор этот был кстати. У Тужикова давно в голове крутилась мысль: а не пора ли написать воспоминания? Но вспомнить и письменно поведать потомкам было практически нечего. Жизнь и вообще судьбушка его совсем не были героическими. И про стихи он тоже думал, иногда даже рифмовал про себя что-то. Правда, все было на примитивном уровне. К примеру:

Побежал Матюша в хату
И кричит: «Бабуль, дай вату...»

Примитивизм этот он, в общем-то, ощущал. При чем здесь вата? Так, для рифмы, что ль. Но это он про себя размышлял. А что, если взять ручку, тетрадку и подумать? Очки он себе новые справил. Что же, может, попробовать?

И вот в доме наступила блаженная тишина. Дед начал творить! Бабка не успевала бегать в магазин за тетрадками. Занятие это радовало Матвея Ильича. Он мог часами сидеть с закрытыми глазами. Петровна даже боялась за муженька. Сидит у стола, лицо блаженное. Случаем, не отходит ли? Но нет, очнулся и что-то царапает в тетрадке, царапает.

Спустя неделю дед начал доставать всех просьбой послушать его творение. Бабка еще как-то терпела. Дочка и зять через пяток минут после начала поэтического вечера под разными предлогами скрывались от начинающего поэта. Все выдержать мог только кот Василий. Под дедовы стихи он блаженно зевал, облизывался, садился к Ильичу на колени и урчал. Так продолжалось довольно долго, наверное, около месяца.

Но вообще-то всю жизнь продолжаться так не могло, это понятно. Дедова поэтическая энергия должна была куда-то выплеснуться, ему нужна была аудитория, он должен был кому-то рассказывать и читать свои перлы.

И тут дочь помогла. Умная у него Маришка.

– Отец, а ты знаешь, у нас в городе есть литературный кружок, недалеко от дома, он в здании школы проводится. Люди все приличные, есть и твоего возраста, есть и моложе. Там учитель литературы и русского языка главный, да ты с ним знаком. Я когда в школе училась, он

классным у нас был. Сходил бы, может, и полезно будет познакомиться, они там стихи читают, рассказы всякие обсуждают, даже в газетах печатаются. Сходи, не поленись.

Мысль была вполне ничего себе, вполне уместная. И Матвей Ильич, приодевшись, загрузив свои тетради в сумку, пошел в школу. Учителя, звали его Семен Макарыч, он нашел быстро. Переговорили наспех, Семен Макарыч был весь в заботах, но договорились, что на очередное заседание Тужиков поднесет свои творения и кружковцы послушают стихи.

Слушание состоялось уже через неделю. Учитель представил Матвея Ильича и дал ему слово.

В такой серьезной аудитории дед был впервые. Последний раз он выступал перед людьми на заседании правления колхоза по случаю ухода на пенсию. Давненько это было. Однако он не тушевался, он был спокоен за свое творчество и уверенно встал к трибуне. Начать решил со стихов, которые написал совсем недавно, посвятил внучатам и считал своим лучшим шедевром.

Катит капля по стеклу,
По стеклу стеклянному.
Тяжело ему стоять,
Солдату оловянному.
Их внучата принесли,
Этих вот солдатиков.
Вон играют втихаря,
Вроде как лунатики...

Стихотворение было достаточно длинным, может быть, даже и нудным, но его внучатам оно вполне нравилось. Особенно строки о том, как малыши потеряли двух оловянных солдатиков, а мама, придя с работы, нашла их и отдала детям. Матвей Ильич просто млел от этого стиха, даже помышлял назвать его «Поэмой об оловянных солдатиках».

Завершив чтение, победным взглядом дед обвел аудиторию и сказал: «Я кончил».

Публика молчала. Но в глазах местной поэтической элиты горели чертики, отдельные ехидно улыбались. Похоже было на то, что поэзией своей Ильич людей не удивил, а может быть, отдельных даже расстроил. Тужиков уловил это настроение и морально готовился к разбору.

Первым взял слово Семен Макарович. Надо сказать, здесь он был непререкаемым авторитетом. И не только из-за своих довольно значительных заслуг на поэтическом поприще, где он признавался неоднократно и победителем, и лауреатом, и прочее, прочее, но из-за мягкости, а также чрезвычайного такта в общении с людьми.

– Уважаемый Матвей Ильич, скажите, а может ли быть стекло не стеклянным? Это, так сказать, вполне закономерный вопрос. А? Далее. Почему вы используете слово «втихаря», когда описываете игру детей, и почему вы их величаете лунатиками? Это что, поэтическая задумка такая? Или как, а?

Нет, его стих явно здесь не понравился, он это увидел.

А Семен Макарович вошел в раж.

– Понимаете ли, поэзия – это искусство, это специфическое искусство, опирающееся на метрику и ритмику, эвфонию с учением о ритме и строфике. Поэзия имеет четкие требования к слогу, стилистике и структуре стихотворения, определению поэтических приемов и размеров, метров, стоп, рифм. Вот что, к примеру, вы знаете о хорее, спондее или ямбе, или о ритмических значениях малых цезур...

Тужиков понял: над ним издеваются.

– Послушайте, я понимаю, стих мой вам не нравится, но зачем же издеваться, вы что, не можете по-русски здесь разговаривать? При чем здесь какие-то стопки или, прости господи,

хереи, вы-то за словами следите? Я старый заслуженный человек, у меня десять грамот и приемник VEF в благодарностях. Я за месяц больше сорока стихов написал. Кто из вас, тут сидящих, столько наработал?

Старый учитель Семен Макарович стоял красный, как рак, публика нервничала. Кто-то шумел и требовал выгнать грубияна с заседания, кто-то просто смеялся. Пожилая дама, истерически хохотнув, продекламировала:

Полилась в стекле вода,
Вот и грянула беда.
Никогда не думала.
Вот беда и хлынула...

Матвей Ильич грозно глянул в зал:

– Кто сказал? Я спрашиваю, кто это сказал?

Народ тут же притих. Что-то будет.

– Меня, старого заслуженного гражданина, дразнить!!! Да я вас... Да я в гороно... Да вашу секту паршивую завтра же закроют... Да я...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.